

ТРИДЦАТЬ ТЫСЯЧ «ПОЧЕМУ»

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ТЕАТРАЛЬНОЙ АФИШИ

Время и художник. Соотношение моего мировосприятия и объективной реальности, которая существует там, за окном кабинета, и должна существовать «по мою сторону» рамы. Право считать себя понимающим эту реальность, право говорить о ней. Признание этого права за своими коллегами, «пишущими» иными творческими почерками. Необходимость прихода друг к другу, искренней попытки понимания, честности в разговоре и, если хотите, простой человеческой доброты. Люди тянутся к общению. Люди нашей профессии делают это медленнее и труднее. Почему? Тридцать тысяч «почему» возникает, когда из множества проблем надо выбрать для разговора главную, первоочередную.

Нам свойственно называть вещи своими именами. И слово «проблема» как предвестник слова «решение» все чаще читается на страницах газет. Проблема молодежи, ее воспитания в театральной школе, продолжение этого непростого процесса в профессиональной труппе — это проблема нашей будущей жизнеспособности, жизнеспособности театра как искусства. Мне ежедневно приходится сталкиваться с этим и как заведующему кафедрой актерского мастерства ГИТИСа, и как руководителю курса, и как режиссеру и партнеру своих и не своих бывших учеников.

Проблема этического взаимоотношения людей, работающих в одном творческом коллективе. В нашем Театре имени М. Н. Ермоловой мне часто приходится встречаться с честным и открытым разговором о недостатках, которыми «грешит» любой творческий организм, если он не умер. Часто приходится встречаться с отсутствием расчетливости, реже — с присутствием конъюнктурных соображений, самопонимания, заменяющего понимание других. Но это вовсе не значит, что с такими явлениями не приходится встречаться совсем. Приходится, увы.

Проблема современного прочтения классики. В нашем репертуаре — Шекспир, Толстой, Островский, Шиллер... Каждый автор — особый мир, который надо распознать и сохранить, но не как этнографическую ценность, а как ценность интеллектуальную и духовную. И не просто сохранить, а найти, нащупать общие болевые точки с сегодняшним днем.

Режиссура «педагогическая» и режиссура «постановочная». Где та золотая середина, та точка примирения этих часто еще враждующих понятий? Что выбор между ними делать нельзя — это ясно уже, пожалуй, всем: такой выбор обрекает искус-

ство на невыразительность, неполноценность.

И все-таки из множества проблем, о которых хотелось бы поразмышлять сегодня, накануне XXVI съезда КПСС, возьму на себя смелость назвать важнейшую: проблему формирования репертуара, с которого начинается любой театр.

В формировании репертуара мы стараемся идти от фразы, вычитанной когда-то у Горького, — жизнь полна драм, полна великих противоречий, и именно в жизненном драматизме искусство черпает содержание и форму своих произведений. Эти слова стали для нас чем-то вроде лакмусовой бумажки, которую приходится «окуна́ть» во множество пьес, чтобы какая-то из них вдруг заставила «окраситься». Поиск «своего» репертуара — это в первую очередь поиск героя, чувства, мысли, судьба которого могут стать не чуждыми сегодняшнему зрителю. Я не открою Америки, если скажу, что существует вульгарно-социологическое понятие о драматургическом герое, которое приводит к такому же рода спектаклям. Суть в том, что подразумевать под словом «герой»: ведь существуют герои «положительные», «отрицательные» и просто не влезające в прокрустово ложе этих понятий. Последние — самые интересные.

В прошлом сезоне наш театр показал пьесу А. Вампилова «Утиная охота». У этого произведения сложная судьба. Оно не решалось театрами, и даже появился в театроведении такой термин, как «загадка Зилова» — загадка главного героя пьесы. Его играли бездуховным негодяем — и рождалась неправда, его пытались оправдать — и снова роль сопротивлялась. Неоднозначность вампиловского героя служила камнем преткновения. Говорили о дегероизации Вампилова. Это неверно. Он ставит перед своими героями выбор. Как жизнь ставит его перед каждым из нас. Мы гордимся, что А. Вампилов самый чистый современный драматург в Театре имени М. Н. Ермоловой, что мы первые поставили его произведения на московской сцене, «отдав» лишь две пьесы другим театрам, но и то временно. Известно, что достоинства «Утиной охоты» расцениваются разными людьми по-разному.

После очередного представления «Утиной охоты» я услышал в зале очень хорошую фразу: «Хочется сказать не «какой хороший спектакль», а «какая хорошая пьеса». Думается, что это высшая похвала.

А. Вампилов умел разглядеть удивительное рядом. Он любил не человечество — это достаточно абстрактно, — а человека, и верил в того, кто

даже запутался в перипетиях жизни, больше и щедрее.

Для того чтобы узнать А. Вампилова получше, надо прочитать и его ранние очерки «Белые города» или исполненный романтизма и любви к театру рассказ «Солнце в аистовом гнезде».

Пьесы А. Вампилова художественно совершенны. Но часто мы сознательно берем в репертуар произведения, в которых авторам удалось нащупать «болевую» точку времени. Примером может служить уже несколько сезонов не сходящая с нашей афиши пьеса Диаса Валеева — драматурга, дебютировавшего в нашем театре, — «Дарю тебе жизнь».

Конечно, играя иных авторов, надо какие-то пробелы, «пробины» в драматургии «прикрывать собой» — режиссерски, актерски. А играя А. Вампилова, надо все время пытаться дотянуться до него, точно раскрыть его позицию борца за человеческие сердца. К каждой пьесе у нас свои требования, но и у каждой пьесы свои требования к нам. Главный же критерий их отбора, повторяю, заключается в том, о чем ими можно будет говорить с залом.

В конце минувшего сезона мы показали спектакль «И — человек», рассказывающий о Карле Марксе. В пьесе было то главное, ради чего мы брали это произведение в репертуар: честный рассказ о судьбе Карла Маркса. Судьбе трудной, мужественной, горькой и прекрасной одновременно. Это была и новая для нас попытка создания документальной театровести. Я не берусь оценивать спектакль — это дело критики. Но констатирую, что посещает его в основном молодежь и идет он на аншлагах.

Сейчас мы выпустили новый спектакль о молодом Ульянове — пьеса Д. Валеева «Казанский университет». Очень хочется, чтобы сегодняшние молодые люди знали, почему когда-то был глоток свободы.

Многие театры в последнее время обратились к инсценировкам. Так мы поставили «Деньги для Марии» В. Распутина, «Крейцеров сонату» Л. Толстого. В Малом театре я выпустил спектакли «Берег» Ю. Бондарева и «Вызов» Г. Маркова.

Это пристрастие к инсценировкам в наши дни вызывает бурную полемику. Думается, что мощный «прорыв» прозы на театральные подмостки связан с богатством нашей прозы и скудостью драматургии. Пока пишут Ю. Бондарев, В. Астафьев, В. Распутин и пока мало возникает равных имен в драматургии, надо пытаться переводить прозаические произ-

ведения на язык театра. Легче сказать себе «нет», легче решить, что не получится. Но ведь иногда получается! И если не все сто процентов эмоций, мыслей, побуждений героев романов и повестей дойдет до зала, то хоть какая-то часть. И не будет ли это уже победой? Победы над косностью, эгоцентризмом, безразличием — да мало ли нравственных болезней призвано излечивать искусство? Мы берем и у драматургов, и у прозаиков, мы присваиваем себе их духовные накопления, чтобы потом отдать залу.

Да и кто возьмется, к примеру, назвать пьесу, равную по своей пронзительной проникновенности и беспощадной честности инсценировке повести В. Распутина «Деньги для Марии»? Мы можем говорить о проблемах «перевода» прозы на язык драмы. Но не о необходимости самого этого явления. В. Распутин сам делал инсценировку своей повести. Г. Марков в содружестве с Э. Шимом тоже создал пьесу «Вызов» не «по следам», а по мотивам своих романов. В этом уважение и к своему творчеству, и к театру.

А ведь есть авторы, которых побаиваюсь. Они очень лихо и быстро откликаются на вроде бы веления времени и по определенным рецептам готовят театральную пищу для репертуара. А в результате затраты сил и нервной энергии возникают лишь крепко склеенное зрелище, а не произведение искусства.

Выбор репертуара — это не только не пропустить искру таланта в пьесе, но и умение дать красный свет всяческой халтуре и полухалтуре. В конце минувшего сезона мы, например, вернули пьесу одному автору, которого любим и на дальнейшие встречи с которым продолжаем надеяться. А вернули потому, что произведение это показалось нам несовершенным, надуманным.

Готовя спектакль к XXVI съезду партии, мы вновь обратились к прозе — поставили «Батальоны просят огня» Ю. Бондарева.

Честность по отношению к зрителю — вот, думается, единственный критерий, по которому надо определять право драматургического произведения на существование.

Отличать оригиналы от копий — это и талант, и наука, и опыт. Создание полнокровного, идейно-художественного репертуара — это нелегкая задача. И главное — это проблема, которую приходится решать постоянно.

В. АНДРЕЕВ.

народный артист РСФСР,
главный режиссер
Московского
драматического театра
им. М. Н. Ермоловой.